

Журнал
художественной литературы,
критики и библиографии

Учредитель — Международное
сообщество писательских союзов

Москва

Издается с января 1973 г.

Главный редактор
Леонард Лавлинский

Редакционный совет

Лев Аннинский
Виктор Астафьев
Чингиз Гусейнов
Алексей Зверев
Игорь Золотусский
Валерий Золотухин
Александр Клышников
Арсений Ларионов
Геннадий Лисичкин
Алла Марченко
Владислав Муштаев
Тимофей Прокопов
Тимур Пулатов
Владимир Соколов
Александр Чудаков
Игорь Шайтанов

Редакция

Виталий Бенкин
(коммерческий директор)
Мария Васильева
Антон Нестеров
Михаил Одесский
Светлана Соложенкина
Леонид Теракопьян

Адрес редакции:

127254, Москва,
ул. Добролюбова, 9/11

Телефон: (095)219-92-63

Факс: (095) 218-03-98

Содержание

Из наследия А. Белого

А. Белый О религиозных переживаниях. Публ. А.В. Лаврова	4
А. Белый Основы моего мировоззрения. Публ. Л.А. Сугай	10
К.Л. Черкавская Белый в архиве Е.И. Шамурина	38
А. Белый Дневник месяца. Публ. С.М. Мисочник	41

Антропософия

М.Л. Спивак Андрей Белый — Рудольф Штейнер — Мария Сиверс.	44
Р. Штейнер У врат посвящения. Пер. А. Белого. Публ. С.В. Казачкова	69
Или к «Маскам» возможен иной подход? Из переписки Д.Е. Максимова и М.Н. Жемчужниковой. Публ. Н.И. Жемчужниковой	74

Воспоминания

П.Н. Зайцев Воспоминания об А. Белом. Публ. В.П. Абрамова	77
К. Эрберг Вольфила. Публ. В.Г. Белоуса	105
Н.А. Северцева-Габричевская Андрей Белый «террорист». Публ. Ф.О. Погодина, О.С. Северцевой	112
И.В. Гюнтер Коктебель... Дом Волошина... 1924год! Публ. Е.С. Федоровой	118
Воспоминания об А. Белом Из отдела фонодокументов МГУ. Публ. М.В. Радзишевской	121
П.Н. Зайцев А. Белый и «Никитинские субботники». Публ. В.П. Абрамова	125
Д.М. Фельдман Послесловие.	128

Творчество

О.Тилкес Православные реминисценции в Четвертой симфонии	135
А.Г. Бойчук «Святая плоть» земного в «Кубке метелей»	144
У. Комер «В виде холубине»	153
К.М. Поливанов Б. Пастернак и А. Белый	156

Н.Д. Александров Лабиринт минотавра	158
Х. Шталь-Швэцер О понятии действительности	161
Л.Ф. Капис И.-В. Гете и Р.Штейнер в поэтическом диалоге А. Белый — О. Мандельштам	168
Политика	
М.А. Колеров А. Белый и марксизм	179
М.Л. Спивак «Москва кадетская» А. Белого	182
В мире искусств	
Б.А. Кац О контрапунктической технике в «Первом свидании»	189
Л.Л. Гервер Контрапунктическая техника А. Белого	192
К. Секё Элементы стиля модерн в эссеистике А. Белого	196

**Номера журнала
можно приобрести
в редакции,**

**а также в салоне «19 октября»,
1-й Казачий пер., 8,
тел.: (095) 238-64-89**

Художник П.П. Ефремов
Компьютерная верстка
Ю.В. Балабанов
Корректор Г.В. Чуба

**и в Мемориальной квартире Андрея Белого.
Арбат, 55,
тел.: (095) 241-77-02**

Сдано в набор 1.06.95
Подписано к печати 15.09.95
Формат 84х108 1/16
Бумага офсетная
Усл. печ. л. 11,76
Тираж 5500 экз.
Заказ № **3159**

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Свидетельство о регистрации
№ 191 от 19.09.90.

Отпечатано с готового
оригинал-макета

в Московской тип. № 2 РАН
121099 Москва, Шубинский пер., 6

Андрей Белый

О религиозных переживаниях

К письму художника А.Б.
и ответу Д.С.Мережковского,
«Новый путь», февраль

Статья «О религиозных переживаниях», предназначавшаяся для журнала «Новый путь», относится к начальной поре литературной деятельности Андрея Белого.

Журнал «Новый путь», вышедший с января 1903 г., был основан П.П.Перцовым (его официальным редактором), Д.С.Мережковским и З.Н.Гиппиус; с самого начала в нем участвовали многие представители символизма и «нового» искусства. Основную задачу журнала его учредители видели в открытом, нерегламентированном обсуждении религиозно-философских собраний (начавшихся в Петербурге в конце 1901 г.), на которых велась бурная полемика между ортодоксальным духовенством и представителями интеллигенции, равнодушными к религиозно-церковной проблематике и стремившимися насытить ее живой атмосферой свободных духовных исканий. Дискуссионные вопросы затрагивались на страницах «Нового пути» и в отделе «Из частной переписки», предназначавшемся «для писем и сообщений, идущих из среды читателей»¹. В первом же номере журнала в этом отделе были помещены (за подписью «Студент-естественник») отрывки из письма Андрея Белого к Мережковскому под заглавием «По поводу книги Д.С.Мережковского «Л.Толстой и Достоевский»². В марте 1903 г. Белый отослал для того же отдела свою статью «О религиозных переживаниях».

Поводом для написания статьи послужила полемика между Александром Бенуа и Мережковским: в февральском выпуске «Нового пути» в отделе «Из частной переписки» были напечатаны «Письмо художника А.Б. к Д.С.Мережковскому» и «Ответ Д.С.Мережковского г. А.Б.»³. Позиция Бенуа была, как подчеркивал сам

автор письма, откровенно «западнической»: она заключалась в отстаивании искусства как ценности безусловной перед мистическими устремлениями к «новому искусству» на почве «новой религии», в протесте против того, что у искателей «новой религии» «Венера превращается в Мадонну»: «Все наше недоумение и происходит оттого, что и Венера, и Мадонна обе хороши, и при этом вовсе одна другую не заменяют. Мы подозреваем какое-то возможное совмещение или сосуществование их и кроме того чувствуем, что наше подозрение не менее чудесно и страшно, и пленительно, нежели ваше подозрение о близком конце мира»⁴. Мережковский в своем ответе отстаивал апокалиптичность, чувство конца как «величайшее утверждение мира», как «полноту, исполнение событий» и, следовательно, как последнее, величайшее торжество истинной красоты. «Западническому», «предельному» мироощущению Бенуа он противопоставлял максималистские мистические чаяния, присущие, по его убеждению, «восточному» типу мироощущения. В обмене полемическими репликами между Бенуа и Мережковским была затронута — едва ли не впервые с такой степенью определенности — основная дискуссионная проблема символистской философии и эстетики, в последующие годы постоянно и по разным поводам обсуждавшаяся: каким должно быть символистское творчество — самоценным, осмысляемым по сути эстетическим критериям или подчиненным высшим задачам, исполняющим теургическую миссию.

Выступая с собственной трактовкой затронутых в полемике вопросов, Белый не опровергает взглядов ни того, ни другого автора, однако определенно заявляет о собственной, последовательной «теургической» точке зрения. В целом солидаризируясь с Мережковским и разделяя его мистический пафос, Белый, однако, перевел затронутые в споре Бенуа и Мережковского проблемы в иной регистр, попытался согласовать их с содержанием собственных духовных медитаций. В пору работы над статьей Белый был поглощен задачей определения семантики цветового спектра, разгадки ее потаенного мистического смысла, стремился за модуляциями цветовых представлений распознать универсальный символический образ мироздания. К задаче истолкования метафизических смыслов отдельных цветов Белый пришел в ходе своих постоянных наблюдений зорь и закатов и связанных с этим мистических созерцаний. В письме к Э.К.Метнеру от 7 августа 1902 г., «расшифровывая» значения открывшихся его взору небесных феноменов, он приходил к обобщениям: «...красный — цвет мученичества, 1-го Христова пришествия, Голгофы, цвет феноменальный, возникающий не сам по себе, а из отношения *белого* источника света и серой пыли, дымки (солнце сквозь дымку); серый цвет — воплощение абсолютного бытия (белого) в абс<олютное> небытие (черное)<...>»⁵.

К своим цветовым интерпретациям Белый относился с полной мерой внутренней ответственности — видел в них конкретную форму воплощения переживаемого мистического опыта. «...Все, о чем я говорю по поводу цветов, то более, то менее (но всегда) *опирается* на некоторую *интуитивность*. Все это я не только внешне вывожу, но и *знаю*», «*вижу*», — подчеркивал он в письме к Э.К.Метнеру от 14 февраля 1903 г.⁶ О важности цветовой символики для своего мироощущения и творчества Белый говорит и в неотправленном письме к А.Блоку от 25 марта 1903 г.: «...от цветов никогда не откажусь, ибо в цвете для меня заключено все то, что создает эзотеризм и цену религиозных образов. Тут для меня нечто до такой степени важное, необъятное, что может идти лишь речь о моем неумении говорить, а не о *том, о чем* я хочу намекнуть цветом»⁷. Приведенные высказывания позволяют понять, насколько существенна для истолкования молодого Белого его статья «О религиозных переживаниях»: суммированные в ней «цветовые» характеристики дают своего рода ключ к пониманию символики цвета не только в ранних произведениях писателя («симфониях», стихотворениях из «Золота в лазури»), но и в последующем творчестве, в значительной степени предопределенном этими юношескими мифотворческими построениями. В целом статья чрезвычайно характерна для раннего Белого с его теургическими порывами, «жизнетворческой» проповедью, самозабвенным эзотеризмом и дерзновенными поэтическими фантазиями.

Попытка Андрея Белого истолковать «теософию цветов» была встречена в редакции «Нового пути» без понимания и сочувствия. Такую реакцию нетрудно было предвидеть, поскольку медитации Белого и его образная символика строились и развивались по безгранично индивидуальному, «самопорождающим» творческим законам и совершенно не вписывались в систему отчетливых объективно-идеалистических и церковных представлений, терминов и формулировок, за пределы которой основные авторы журнала старались не выходить. Из читавших статью высоко оценил ее один только Блок. «Она *мне* кажется очень важной, но именно в смысле некоторого завершения первого (или, во всяком случае, данного) круга Вашего пути», — писал он Белому 20 марта 1903 г.⁸ Редактор «Нового пути» П.П.Перцов первоначально предполагал статью опубликовать (на первом листе рукописи — редакционное обозначение раздела, для которого предназначалась статья: «Из частной переписки»; текст имеет следы редакторской правки Перцова и — его же рукой — пометы для типографии: «мелкий корпус на шпонах», «корректуру в редакцию»), однако до набора дело не дошло. В том же письме от 20 марта Блок извещал Белого: «Перцов нашел статью «О религиозных переживаниях» непонятной и не хочет ее печатать. Отдал мне, чтобы я переслал Вам. Если Вам нужно, я немедленно пришлю, но пока оставляю у себя. Приятно бы ее иметь, как

необходимое дополнение к Вашему письму о «цветах»⁹.

В ответном неотправленном письме к Блоку от 25 марта 1903 г. Белый отметил по поводу своего этюда о «цветах»: «Вполне допускаю субъективизм его и невозможность напечатания в «*Новом Пути*», — однако решением редакции был все же огорчен и уязвлен, на что намекают содержащиеся далее в тексте письма признания: «...пора начать молчание. Затихнуть и уйти.<...> Я в последнее время многое узнал, во многом разочаровался — заработал себе право *молчания*. Я умолкаю. Выбрасываю всякий эзотеризм из своих слов. Перестаю говорить о том, во что я верю и во что нет. Становлюсь строго-формальным, логическим»¹⁰. О том, что тяготение Белого к «молчанию» было определенным образом обусловлено участием статьи «О религиозных переживаниях», свидетельствует и его письмо к Э.К. Метнеру от 9 апреля 1903 г.: «Перцов не захотел поместить одно мое письмо, ссылаясь на непонятность его для публики. И хотя он меня просил присылать каждый месяц что-нибудь даже по несколько строк, хотя мы с ним в прекрасных отношениях, но я решил твердо не давать им ничего по крайней мере несколько месяцев»¹¹.

В ответ на запрос Блока относительно рукописи статьи «О религиозных переживаниях» Белый заметил (в письме, отправленном в начале апреля 1903 г.): «Мне совсем не нужно моей рукописи в «Новый путь»¹² — и статья так и осталась у Блока. В том же 1903 году Белый написал большую программную статью «Символизм как миропонимание»¹³, в которой его «теософия цветов» получила дальнейшее развитие и обоснование на материале русской поэзии и священных текстов (позднее, готовя книгу своих статей «Арабески», Белый выделил соответствующий фрагмент «Символизма как миропонимания» в самостоятельную статью под заглавием «Священные цвета»¹⁴). О другой же, более ранней своей статье сходной тематики Белый прочно забыл. Подтверждением этого служит ошибка, допущенная им в позднейшем «Комментарии Бориса Бугаева к первым письмам (переписки) Блока к Бугаеву и Бугаева к Блоку» (1926): поясняя слова Блока о статье «О религиозных переживаниях», Белый пишет, что в данном случае «речь идет о статье, напечатанной после под заглавием «Священные цвета»; она лишь в 1904 году была напечатана в «Мире искусства»¹⁵.

Отдельные фрагменты из статьи «О религиозных переживаниях» были ранее приведены нами в обзоре «Материалы Андрея Белого в Рукописном отделе Пушкинского Дома»¹⁶. Ныне текст статьи впервые публикуется полностью по автографу, хранящемуся в архиве А.А.Блока в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 3. Ед.хр. 70).

Примечания

¹ Новый путь. 1903. № 1. С. 154.

² Там же. С. 155-159.

³ Там же. № 2. С. 156-160.

⁴ Там же. С. 157.

⁵ РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 1.

⁶ Там же. Ед. хр. 9.

⁷ РГБ. Ф. 25. Карт. 30. Ед. хр. 1.

⁸ Александр Блок и Андрей Белый. Переписка / Редакция, вступ. статья и комментарии В. Н. Орлова. М., 1940. С. 28.

⁹ Там же. С. 27. Фрагмент о «цветах» из письма Андрея Белого к Блоку от 24 или 25 февраля 1903 г. см. в примеч. 18 к тексту статьи «О религиозных переживаниях».

¹⁰ РГБ. Ф. 25. Карт. 30. Ед. хр. 1.

¹¹ РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 13.

¹² Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. С. 30.

¹³ Впервые опубликована в «Мире искусства» (1904. № 5. С. 173-196).

¹⁴ См.: Белый Андрей. Арабески: Книга статей. М., 1911. С. 115-129.

¹⁵ Cahiers du Monde russe et sovietique. 1974. Vol. XV. N 1-2. P. 88 (Публ. Ж. Нива).

¹⁶ См.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С. 38-44.

Пользуясь предложением Редакции не стесняться нелитературностью изложения своих мыслей в отделе «*Частная переписка*», я обращаюсь с этими словами по поводу письма художника А. Б. и ответа на него Д. С. Мережковского. Тут вопрос насущной важности. Важность этого вопроса — вопроса об отношении искусства к религии — тем более увеличивается, что среди разнообразных путей, ведущих нас к Богу, соединяющих нашу эпоху с превечным, — путь сквозь искусство — кратчайший, хотя и наиболее крутой. Для людей нашего религиозного сознания почти необходимо искуситься эстетизмом, чтобы преодолеть его в самых недрах и пробиться к религиозному пониманию жизни.

Прежде нежели касаться разбора письма художника А. Б. и ответа Д. С. Мережковского, важно а priori уяснить себе схему взаимного соприкосновения искусства и религии. Схем, конечно, можно приводить сколько угодно и за, и против. И не в логической обоснованности, не в красоте архитектуроники суть. Важно, чтобы формально обоснованное светилось изнутри чем-то ясным как день. У каждого это ясное как день свое. При передаче каждый старается одеть это психологически понятное ему в ту философскую броню, которая наиболее впору. Мы, стоящие по ту сторону пессимизма, мы, пытающиеся одолеть Ницше, — мы знаем, что такое *схоластика* и что такое *несхоластика*, что относится к области догматизма или критицизма. Для удобства изложения, однако, мы с полным правом пользуемся всякой схоластикой и несхоластикой как внешним средством передачи этого *ясного как день* нашей души.

В том наше преимущество перед всеми поколениями, что мы это делаем и сознательно, и откровенно.*

Конечно: существуют разные точки зрения на искусство. Разные ступени его рассмотрения. Судя по тому, из каких глубин нашего духа мы глядим на искусство, оно перед нами то в одном, то в другом освещении. Это не значит, что все эти освещения о разном: одна линия глубины — разнообразны языки глубин. Так: рассматривая искусство с точки зрения материала для формы, мы приходим к заключению о возможности существования в нем энергетического принципа. Значит ли это, что невозможно рассмотрение искусства с точки зрения идейности, понимая под идеей

Твой только отблеск, о солнце мира

(стих <отворение> Фета).²

Классификация и обобщение идей приводит нас к признанию Мировой Идеи — Софии, Души Мира. (В идеях объем и содержание в прямом отношении: мировая идея, будучи наиболее общей, наиболее углубленная по содержанию.) Значит, можно рассматривать все искусство с точки зрения искания в нем Той, о Которой Соловьев говорит:

*Знайте же — Вечная Женственность ныне
В теле нетленном на землю идет.*³

А А. Блок восклицает:

*Я озарен, я жду твоих шагов.*⁴

Это будет новая зона на все той же линии, но еще более углубленная, не идущая вразрез ни с эстетизмом, ни с идейностью. Но София, Премудрость Божия — это врата, чрез которые шествует Господь Наш, Иисус Христос. Это — божественное тело Христово, мистическая сущность церкви. Она — уже *и сущность, и идея*; здесь все то же слияние между волей (сущностью) и представлением (идеями) — стремление к которому мы видим у наиболее выдающихся философов послешопенгауэровского периода. Но София есть в то же время и та Дева, о Которой Соловьев говорит:

*Не Изида трехвенечная
Ту весну им принесет,
А нетронутая, вечная
Дева Радужных Ворот* (гнос<ический термин>).⁵

Из этих *радужных ворот* впервые шествует к нам Господь Наш, Иисус Христос во Славе. Здесь сердце трепещет от невидимой близости.

* Далее зачеркнуто: Неужели это не понятно г. Шестову: он так ужасается обобщениями Д. С. Мережковского¹.

Искусство, отражая солнце, т.е. вообще солнечное сияние ризы Божией, в глубинах своих сосредотачивается на отражении нашего единственного реального Солнца — Христа. Вот та последняя зона, где уже искусство перестает быть искусством, а становится больше чем искусством — *теургией*. Вот постепенный переход от формы к идее, от идеи к мистическому образу церкви, и от церкви ко Христу. Этот переход не заметен, потому что <существующ> множество ступеней, незаметно соединяющих более внешние проявления красоты с последней красотой*. Я нарочно с особенной резкостью выделяю эти четыре зоны.

Каждая зона вширь необъятна. Каждая зона развертывает перед изумленной душой бесчисленные горизонты *видений*; в каждой зоне «*восхищенный трепет, благоговение перед тайной и неприменное умиление*» (слова худ<ожника> А.Б.)⁶. Все же есть в каждой зоне кое-что, чего нельзя понять, не перейдя на следующую. Это не значит, что нужно скорее пробежать все эти стадии, — опасно бежать сломя голову: можно очутиться перед несказанной, последней и *окончательной* тайной с незрячей душой — и горе тому!

Вот почему так понятно и даже законно письмо художника А.Б., если принять его как протест против слишком поспешного отрицания более внешних ступеней художественных созерцаний, где, конечно, нельзя допустить, «*чтобы Христос отрицал то, что можно так нежно, благоговейно любить, то, что очевидно свято, полно такого божественного откровения*» (слова худ<ожника> А.Б.)⁷... «*Тот мало любит искусство, мало любит красоту, кто не желает их последнего и величайшего торжества над миром в конце мира*» (ответ Д.С.Мережковского)⁸... «*Для вас мир... завешен какой-то дымкой... Вы принимаете за признаки близости всемирного конца — простое ощущение собственного конца...*» (слова худ<ожника> А.Б.)⁹... «*Вы не знаете, что такое конец... Вы не верите, что можно... и желать конца*». (ответ Д.С.Мережковского)¹⁰.

Тут подхожу к центру письма.

Изменив внутренний путь. Существуют намеки, по которым можно догадаться, что характер этих изменений в главном *все тот же*. Разница часто лишь в том, к чему приурочивают эти изменения, что думают о них. Разница не в самих изменениях. Я глубоко уверен, что если бы забыли существенные черты нашей Истины, из глубин духа была бы она восстановлена.

Не умею нарисовать схему внутреннего пути

и так, как он мне представляется. Фиксирую эту схему к цветам. В цвете есть *нечто*, действующее непосредственно. В последовательном изменении цветов — тень последовательной сменны духовных *видений*.

Существуют, однако, несколько, так сказать, психологических констант, без которых нижеизложенное не покажется *ясным*. И о них два слова. Символ полного синтеза всех душевных способностей — белый цвет. Божественное, по мере того как оно передается нашей душе, окрашивает душу мягким белым сиянием. Отсутствие этого божественного рождает *черную* пустоту.

Опытное богопознание существует. Существует и символ его — белый цвет. Чертопознания нет. Мы не знаем методов познания черта — подалее от этих ужасов! Не к черту обращены мы! Нет поэтому и цвета, символизирующего Сатану. Остается *черный* цвет, как полное отсутствие божественности. Так понимает неофит (более углубленное знание скажет сердцу иное). Небытие (черное), *воплощенное* в бытие (белое), придает такому бытию призрачно-серый характер. Серая жизнь призрачна. Черт, воплощаясь, является нам, — сер: тут прозрения Д.С.Мережковского глубоко бездонны¹¹.

В беспринципном скептицизме впервые обнаруживается на событиях *серый* налет, налет призрачности — пыли. Открывается: ужас — бездна пошлости. Носится *серая* стая, осаждающаяся повсюду. Душит и гасит светоч жизни, слабо мерцающий в руках. Какая странная картина!..

«*Серость*» как «*нуменьный*» ужас и грех — вот одно из величайших открытий конца XIX века. Наряду с этим важно и то, что *белый*, сверкающий луч солнца, затененный *серым*, кажется огненно-красным. Интересно, что солнечные лучи, проходя сквозь непрозрачную среду, нам кажутся красными. И это важнее, чем кажется сперва. *Огненно-красного* нет. Это — отношение: белый светоч сквозь серую стаю ужаса, серая стая, затмевающая сиянье, — все, что угодно, только не само по себе.

Вот психологические константы, на которые опирается нижеследующая схема стадий внутреннего пути, более или менее общая всем, пробивающимся от ужаса к свету.

1) Серая стая гасит светоч, озаряющий путь. И он погас. Везде *неожиданный* мрак. Словно разверзшиеся бездны проглотили видимость. Но быть может, это только туман, сгустившийся до мрака. Во всяком случае глядишь на жизнь глазами иными. Хочется крикнуть: «У меня новое зрение». Горе тому, кто здесь остановится с испугу: никогда не вырвется из туманного пояса. Вперед, вперед...

2) Идешь... Впереди открываются среди мра-

* Исправлено П.П.Перцовым: Этот переход почти незаметен, потому что скрывается во множестве внешних проявлений красоты — этих ступеней к последней красоте.

ка какие-то желто-бурые, не то шафранные, полосы — искаженное подобие света. Черная мгла слабо озаряется зловеще-коричневым, красноватым. Неестественно ужасны люди в этом странном освещении. На лицах их «*апокалиптический отблеск*». Невольная мысль об ужасе всеобщей гибели — конца. Вечный ужас тому, кто не вырвется отсюда... Вперед, вперед...

3) Идешь. Коричневые просветы начинают огневить — все озаряется красным. Красное лихорадит, возбуждает. Не светопредставление ли? Это — серая стая, летая между нами и светом, окрашена красным. Впервые перед глазами собственные грехи; красное — это грехи пылают; боязнь — не сторишь ли с собственными грехами. Дерзость от ужаса — бунт Ивана Карамазова. Цвета Заратустры — желтое и красное — цвета пламени. Вспоминаются слова пророка Малахии: «Ибо вот, придет день, пылающий как печь; тогда все надменные и поступающие нечестиво будут как солома, и попалит их грядущий день» (гл. IV, ст. 1). Вспоминаются и слова ап. Петра: «Возлюбленные! Огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного; но как вы участвуете во *Христовых страданиях*, радуйтесь, да и в явлении славы Его возрадуетесь и восторжествуете»...¹² И в этих словах намек на какое-то облегчение, перевал к следующей стадии.

4) Тут намек на возможность избавления от ужаса страданием. Багряница — красна, *тоже красна, красна, как кровь*... Здесь поддерживает нас отзвук голоса Его: «сия чаша *есть* новый завет в Моей Крови, которая за вас проливается» (Лука, кл. XXII, ст. 20). На четвертой стадии духовного переживания какой-то символический перевал от старого к *новому*, от ужаса и страха к восхищению и радости сквозь страдание. Недаром *крест* был символом 4-го посвящения глубокой древности, а силой креста прогоняются бесы, — ужасная, серая стая, затмевающая белое, неугасимое сияние.

5) И вот редет серая пыль — *красные* лучи розовеют. Слезы страдания как бы омывают багряницу, убеляют. Все розовеет. Все, как зоря. Минуло страдание — радость впереди. Влюбленное ожидание Христа на зоре, шествующего к нам сквозь радужные врата. И святая Дева, являющая Истину, — «*Дева Радужных Ворот*» — София, Премудрость Божия — Мистическая Роза. Взор невольно устремляется на Мировую Душу, и отблеск ее ловишь на всем... А лучи розовеют — вот они, бледно-розовые. Это совершается непрерывное искупление. Какая радость, какое облегчение!..

6) И вот сверкнул белый луч. Омыты грехи *Кровию* Агнца... «Побеждающий облечется в белые одежды» (Откр.)¹³. «Убелили одежды <свои>

Кровию Агнца» (курсив мой) (Откр.)¹⁴. *Новое слово* — новая стадия богопознания!.. «Поют *новую* песнь пред Господом» (Откр.)¹⁵.

7) Но почему воздушно-белое начинает просвечивать голубым? Точно воды, точно снег тающих... Какая ласка в этом таянии — уж не тает ли мир? И вот — небесно-голубое. И вот мистическая встреча с Господом. Белое — соединяющее семи цветов — необходимое условие для просветления души — но за ним-то и открывается тот просвет, та дверь, о которой Д.С.Мережковский говорит: «Он и есть дверь, в которую *можно выйти*... Принимая Христа Грядущего, мы принимаем самую благую весть Его о конце мира... Бесконечность мира только в конце его... Потому мы и любим конец, что любим мир *бесконечной* любовью... Конец есть полнота, исполнение событий»...¹⁶

Почему же *воздушно-белое* голубеет?

Воздушно-белое на более темном фоне отличается всеми оттенками от бледно-голубого через синее к темному...

Цвета условны. Безусловное внецветно, надцветно. Пройдя цветные стадии во время *убеления Кровию*, мы развиваем такую полноту душевных переживаний, что уже только внецветное может характеризовать всю сладость, все умиление, всю нежность безграничного! Внецветное — и послевременно, и доременно. Это — уже святой хаос. Это — символ Отца...

«*Видящий Меня видит Пославшего Меня*» (Иоанн, гл. XII, ст. 45). «*Никто не приходит к Отцу, как только через Меня*» (Иоанн, гл. XIV, ст. 6). «*Я и Отец — одно*»¹⁷...

Белое — символ совершенства и богочеловечества — начинает сквозить тем, что стоит над всяким совершенством — *внецветным*. От этого *внецветного* фона *воздушно-белое* голубеет, переходя в цвет неба: в небе тоже воздушная, т.е. бесцветная среда сквозит *внецветным*. И это знаменательно: здесь намек на двуединство Христа.

8) Провидение того, что за временем, за историей — старинное, Отчее...

Итак, между совершенным *невидением* и совершенным *видением* (розовое, белое, голубое, внецветное) лежит промежуточный пояс — облако, отделяющее это невидение от видения (черное, коричневое, красное); это — первая зона богопознания, богопознание ужасом и страхом, после которого наступает вторая зона — богопознание радостью и любовью¹⁸.

Мысль о конце всего — необходимо-главная мысль всего христианства — его цель. На первых стадиях духовного переживания чувство конца ужасает: «*Для вас весь мир, как для первых христиан, завешен какой-то дымкой, он ушел куда-то далеко от вас, вы уже почти не видите*

его» (Письмо худ<ожника> А.Б.)¹⁹. Выше мысль о конце — умиляет, радуется; там чувство конца — быть может, вообще чувство *новозаветности*, естественное чувство первых христиан (впоследствии утраченное) — необходимый коэффициент, преломляющий, высвечивающий действительность; он придает этой действительности христианский оттенок — радостно-ожидательный. Быть может, вся-то жизненность христианства зависит от этого чувства. И ощущение конца на может быть понимаемо как ощущение собственного конца — ведь мыслью о конце в наше время занято скорее *молодое* поколение.

Но когда конец? Как известно, об этом никто не знает, даже Сын. Но мы постоянно должны быть готовы. И нет в этом ничего удручающего, утомляющего, страшного, идущего *вопреки чему бы то ни было*. Наоборот: высочайшая радостная легкость, вечное утверждение себя в Боге — вечная песнь пред Господом...

Примечания

¹ Подразумевается статья Льва Шестова «Власть идей» (Мир искусства. 1903. № 1/2. С. 77-96), содержащая критический анализ 2-го тома книги Д.С.Мережковского «Л.Толстой и Достоевский». Мережковский охарактеризован был в ней как «страстный охотник за идеями», предпочитающий предвзятые религиозно-идеологические схемы «живому хаосу» подлинной действительности.

² Строка из стихотворения А.А.Фета «Измучен жизнью, коварством надежды...» (1898?).

³ Из стихотворения «Das Ewig-Weibliche. Слово увещательное к морским чертям» (1898) Владимира Соловьева.

⁴ Из стихотворения А.Блока «Бегут неверные дневные тени...» (1902), печатавшегося во время написания статьи в 3-м альманахе «Северные цветы» (вышел в свет в апреле 1903 г.). Сохранился список этого стихотворения, сделанный рукой Белого (см.: Котрелев Н.В. Неизвестные автографы ранних стихотворений Блока // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 1. М., 1980. С. 234).

⁵ Неточно цитируется заключительная строфа стихотворения Вл. Соловьева «Нильская дельта» (1898); в скобках приведено авторское примечание Соловьева к тексту.

⁶ См.: Новый путь. 1903. № 2 С. 156.

⁷ Там же. С. 158.

⁸ Там же. С. 160.

⁹ Там же. С. 157 (цитируется с сокращениями).

¹⁰ Там же. С. 160 (цитируется с сокращениями). Опубликовано (с отдельными неточностями) в кн.: Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 3. М., 1982. С. 202.

¹¹ См.: Мережковский Д.С. Судьба Гоголя // Новый путь. 1903. № 1. С. 43, 47. В более позднем письме к Метнеру (от 25 июля 1903 г.) Белый прямо признается, что он «обиделся» на «Новый путь» «за непомещение одной заметки, которую они (в Редакции) не поняли» (Литературное наследство. Т. 92. С. 200).

¹² I Петр. IV, 12-13.

¹³ Откр. III, 5.

¹⁴ Откр. VII, 14.

¹⁵ Откр. V, 9 (неточная цитата).

¹⁶ Контаминация цитат из «Ответа Д.С.Мережковского г. А.Б.» (Новый путь. 1903 № 2. С. 160).

¹⁷ Ин. X, 30.

¹⁸ Сходными размышлениями о цветовой семантике Андрей Белый делился в письме к А.Блоку от 24 или 25 февраля 1903 г. При публикации письма (см.: Александр Блок и Андрей

Белый. Переписка. С. 21) соответствующий фрагмент текста был изъят; приводим его по автографу (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед.хр. 148. Л. 15-20):

«Что касается до четвертой стадии духовного развития (если угодно, «посвящения»), то тут я весьма субъективен: буду говорить прямо, надеясь на гений вашей понятливости.

Белый цвет — символ богочеловечества. Белый сверкнувший луч мистического солнца, условие необходимое для восприятия божественного «видения». Отсутствие «белого» — противоположное (черное). Цвет ужаса — черный. Ужас, воплощенный в бытие (в белое) = серое. *Серая пыль* — ужас; и тут чрезвычайно глубоко Мережковский. Со времен грехопадения между белым лучом и нами — серая пыль, а белое сияние, *засеренное* пылью, дает подобие красного цвета. *Огненно-красное* — это обман, это — отношение серого к сверкающей белизне и обратно. Вот что открывает ряд *видений*. И это — так. Красное не безусловно, а феноменально, относительно.

1-ая стадия, когда сияние, мерцающее в нас, загашено и везде мрак; мрак этот черен, ибо слой серой пыли так толст, что сияние белизны, мерцающее на горизонте, не пробивается. *2-ая стадия*. Первые лучи начинают пробивать черноту — все окрашивается желто-шафранным цветом. Это еще даже не *красное* (т.е. белое сквозь серое), а прямо-таки коричневое (т.е. красное сквозь серое = белое сквозь вдвойне большой слой серого). Это настроение Ваших слов:

Мое болото их затянет...

Мои глаза — глаза совы, и т.д.

Это низшие зоны *астральной* области (выражаясь теософским языком). Один из теософов (Лидбитер) говорит про низшие зоны *астрального*. «Это еще как бы густой туман — или желтое болото». А другой (кажется, Мид) говорил, что Россия очень подвинута в эзотеризме, только... ей грозят *астральные* опасности и ей в астральном следует помочь... Не правда ли, Александр Александрович, отсюда надо вырваться. Это еще скорее по сю сторону грозового облака, отделяющего вершины от низин. И это — настроение, характерное для России, понимая под этим равнодействующую всех неурадий (политических, душевных, мистических). *3-ья стадия*. Слой серой пыли уменьшился — все окрашено огненно-красным. Ужас огня — бунт Ивана Карамазова. Всем доступное и понятное в нищесте. Это здесь впервые грехи горят на собственной душе и душа или боится сгореть — ужасается жгучестью огневичи (41° жара), или же бунтует, обращаясь ко Злу. Здесь невольно возникает обманная мысль о равноправности добра и зла, о равенстве черта и Бога, о двух творцах мира. Отсюда психологически ясно выливаются секты, аналогичные альбигойцам, манихеям, богомилам. Богомилы говорили, что Сатаниил брат Христа (старший из сыновей Божих). Как это понятно: ведь *красное* понимается двояко (или *белым*, пронизывающим *серое*, или *серым*, превращающим *белое* в *красное*). В первом случае центр в *белом*: и *красное* (1-ое пришествие Христова совершилось *кровию* и багрянницей, т.е. *красным*) является *святым цветом страдания*; во втором случае центр в *сером*, т.е. в *ужасе*, и *красное* греховно; «если грехи ваши — как *багряное*» и т.д. (слова пророка Малахии, кажется <Ис. I, 18>). Тут мысль о Сатанииле (старшем брате Господа). *4-ая стадия* — слой серой пыли еще тоньше, но белое сияние продолжает казаться огненным. Все же центр в *белом* и отсюда: на 4-ой стадии *красное* свято; это Голгофа, где пролилась *кровь* воздвигнутого на Кресте Господа. Здесь уже невозможно лихорадочное напряжение и *огненный ужас* 3-ей стадии. Здесь видно, что Сатаниил не может быть старшим братом Христа. Здесь рубеж, за который не могут уже с такой яростью наплывать *серые тучи*, потому что крест охраняет границу между *старым* (ступень богопознания ужасом и страхом) и *новым* (богопознание радостью). Дальше уже *серое* настолько пропадает, что *белое* сияние кажется только розовым. Начинаются все оттенки от темно-розового до бледно-розового: это «убеление риз *кровию* Агнца», после того, как грехи *багряные* третьей стадии сожжены и душа еще уцелела. Вот существенные черты того, что мне известно о 4-ой стадии».

¹⁹ Новый путь. 1903. № 2. С. 157.